

Объектом биологической систематики Беклемишев считает не статические формы организмов, а морфогенезы или морфопроцессы, так как речь идет не о порождении окончательной формы, а о постоянном осуществлении форм. Каждый морфопроцесс представляется последовательностью стадий, между которыми есть необходимые причинные связи. Соответственно физиологии (механика) развития занимается номотетикой морфопроцессов, а морфология — их систематикой.

Как видно из языка и построения Беклемишева прочно укоренены в философской культуре ученых-естественников первой четверти XX в.. Надо отметить, что набор цитируемых и упоминаемых авторов, весьма полно отражающий круг общенаучного и философского чтения биологов того времени, в оригиналь-

ной рукописи не имел ссылок на конкретные работы. Все имена очень успешно откомментированы в рецензируемом издании и к ним дана основная библиография работ, которые мог читать и на которые мог ссылаться Беклемишев.

Монография Беклемишева вместе с другими его ключевыми работами безусловно заслуживают полного академического издания с более подробными историко-научными комментариями и анализом текста рукописи. Однако и в настоящем виде книга будет прочитана с вниманием и любовью каждым специалистом, интересующимся общими проблемами биологии и истории науки. Издатели и все люди, участвовавшие в издании книги, сделали хорошее дело, выпустив «Методологию систематики» в свет.

К. Б. Соколова

Клейменова Р. Н. Книжная Москва первой половины XIX века. М.: Наука, 1991. — 240 с.

Москва в течение трех столетий занимала ведущее положение в российском книгопечатании. Центром книжного дела она была и в начале XIX в. Монография Р. Н. Клейменовой по существу является первым обстоятельным исследованием по этому периоду. Автор книги стремилась с возможно большей полнотой показать разные стороны книжной культуры эпохи.

Рассматривая московскую печатную продукцию, автор дает краткий обзор всех типов изданий того времени, рассчитанных на все аудитории — от высокой классической литературы до массовых изданий типа лубка. В монографии достаточно подробно обсуждаются самые разные аспекты книжного дела: организация книгоиздательской деятельности в Москве; влияние цензуры на книгу; вопросы художественного оформления; жизнь московской книготорговли; специфика читательских запросов различных слоев общества; образование государственных, корпоративных и частных библиотек.

Используя редкие печатные и архивные материалы, Р. Н. Клейменова проделала титаническую работу по максимально полному выявлению репертуара издаваемой в Москве литературы. Создана картотека изданий московских типографий первой половины XIX в., в которой собрано около тринадцати тысяч карточек на все виды изданий. Автор приводит разнообразную статистику изданий по тематике, издателям, времени изданий и т. п.

В книге показано, что половина всей московской печатной продукции приходилась на долю ведомственных типографий, среди ко-

торых самым мощным издательством не только Москвы, но и всей России, была типография Московского университета. Заявила о себе и типография Лазаревского института восточных языков. Анализируя структуру и характер издаваемой продукции, Р. Н. Клейменова пришла к выводу об огромном воздействии Московского университета — всего комплекса его учреждений и занятых в них людей — на духовную жизнь русского общества. Несомненный интерес представляет обзор деятельности типографий, находившихся в руках частных владельцев. По подсчетам автора, в Москве в то время их было около тридцати. Статистика гласит, что из типографии университета вышло более четырех тысяч названий, из Синодальной типографии — 1107, из типографии Лазаревского института — 687, из частных типографий: А. Семена — 1259, С. И. Селивановского — 1100, Степановых — 820, Решетниковых — 475, И. И. Смирнова — 340.

Исследуется малоразработанная тема продукции, выпускавшейся различными мастерскими — литографиями, металлографиями, гравировальными (ноты, иллюстрации, художественные альбомы, азбуки), а также целой категорией издателей, не имевших собственных типографий, в которую входили как учреждения и научные общества, так и частные лица. К этой категории издателей отнесены и профессора Московского университета, чья издательская деятельность, по мнению автора, сыграла особенно важную роль в распространении просвещения в России. Автор подчеркивает, что в роли издателей часто выступали представители средних

слоев общества — преподаватели учебных заведений, купцы, мещане.

Из общего объема литературы, изданной в Москве в первой половине XIX в., около трети приходится на художественную литературу, из которой половину составили романы, в том числе и переводные. Религиозные издания составили 12%, исторические — 14,5%, а на долю медицины пришлось 5%. Интересно, что среди научной литературы математика занимала ведущее положение (1,5%), в три раза больше — физика и астрономия и в два раза — зоология и ботаника вместе взятые. Учебники, азбуки, разнообразные хрестоматии и словари составили 9% общего числа изданий.

Поток книжной продукции шел неравномерно по времени. С 1801 по 1825 гг. книжный поток возрос в полтора раза, с 1825 по 1827 гг. произошел скачок — количество издаваемой литературы увеличилось в два раза, а после 1837 г. роста уже не наблюдается, очевидна тенденция к снижению. Книговеды связывают скачок конца 1820-х — начала 1830-х гг. с деятельностью А. Ф. Смирдина, начавшейся как раз в это время. Этот период в русском книгоиздании так и называют «смирдинским». Но при этом как-то забывается, что после восстания декабристов активная общественная жизнь перешла из Петербурга в Москву. Современники (в том числе и

А. С. Пушкин) отмечали рост Москвы этого времени как промышленного, купеческого центра, и в то же время научного. Москва превосходила в это время Петербург по количеству издаваемых журналов, по их критической направленности.

В это время в Москве были впервые изданы «Горе от ума» Грибоедова, сочинения Пушкина, Д. В. Веневитинова, А. И. Полежаева. Кончился этот блестящий период разгромом журналов Н. А. Полевого (1834) и Н. И. Надеждина (1836). После этого начался постепенный спад в издательской деятельности, и в 1840-е гг. Москва уже значительно уступала Петербургу по активности, идейной направленности общественной жизни и издательского дела.

Стремление охватить все стороны книжного дела Москвы в указанный период не позволило автору равномерно осветить всю проблематику. Сказалось и общее состояние исследования этих проблем в современной науке. Например, в книге наиболее подробной оказалась глава, посвященная деятельности Московского университета, менее детальным — раздел о библиотеках и читателях. В целом же Р. Н. Клейменова удачно воссоздала картину книжного дела в Москве в первой половине XIX в. и ее работа восполнила существенный пробел в истории изучения книги и книжного дела в России.

И. В. Поздеева

Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений. СПб., 1994. — 607 с.

Юбилей — незаменимая вещь. Конечно, утверждать, что без них некоторые книги вовсе не увидели бы свет, возможно, было бы и преувеличением, но, с другой стороны, нельзя не признать, что без юбилеев и история публикации этих книг, и само их содержание были бы несколько иными. В этом читатель может еще раз убедиться, прочитав не только одностраничное предисловие «От редакции» (с. 5), но и свыше шестисот остальных страниц сборника биографических статей о соратниках Вавилова — «тех, кто трудились вместе с ним, осуществляли замыслы, развивали и конкретизировали его идеи, и на ком оставила свой отпечаток трагическая судьба учителя». Первоначально сборник готовился к 100-летию со дня рождения Вавилова, но, хотя рукопись его была готова к 1987 г., она, как пишется в предисловии, «по ряду причин» опубликована не была. Благодаря этому ряду причин, сборник, приуроченный теперь к 100-летию вавиловского Института растениеводства, претерпел ряд изменений,

из которых сама редакция отметила три: был расширен круг соратников, хотя все же «далеко не все, заслуживающие этой чести, вошли в сборник»; шире использовались архивные материалы; в сборник «по возможности включено все то, что ранее не позволяло опубликовать цензура — от авторской самоцензуры до государственной». Кроме кратких биографических очерков (от 4 до 17 страниц), снабженных указателем имен, в книге опубликована вводная статья Д. В. Лебедева «Николай Иванович Вавилов и вавиловцы ВИРА». В конце каждого очерка имеется список основных трудов, а в конце некоторых — также перечни «Источников», так что читатель имеет возможность при желании обратиться к дополнительной историко-научной и биографической литературе. Издания подобного рода, либо являющиеся краткими энциклопедическими справочниками, либо приближающиеся по своему замыслу и его осуществлению к таковым, всегда заслуживают внимания и интереса. Они, безусловно, необходимы и специалистам в той